

♦ *Портрет
Т.Н. Грановского*
1845
Холст, масло
81 × 64
ГТГ

♦ *Portrait of Timofei
Granovsky*. 1845
Oil on canvas
81 × 64 cm
Tretyakov Gallery

¹ Шабаньяц Н.Ш. Жизнь и творчество художника П.З. Захарова. Грозный, 1963; Он же. Академик П.З. Захаров. Художник из чеченцев (1816–1846). Грозный, 1974; Кривошицкая Г.Д. Новое о художнике П.З. Захарове // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1977. С. 334–335; Малаева Т.А. Художник Петр Захаров (Чеченец). Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Л., 1982.

² В настоящее время Г.Р. Якушкин готовит публикацию этих документов. Выражаю ему глубокую благодарность за возможность ознакомиться с материалом до его появления в свет и частично использовать в статье.

Людмила Маркина

Работы художника Петра Захарова в собрании Третьяковской галереи: Историческая хроника

Как часто бывало в моей музейной жизни, эта статья состоялась благодаря случаю. Неожиданно в Третьяковскую галерею «нагрянули» тележурналисты из Грозного. Нужно было без подготовки дать интервью о Петре Захарове, «живописце из чеченцев». Во вступительном зале обратила внимание на старую фотографию экспозиции галереи 1898 года. Достойное место среди многих шедевров русской живописи 30–40-х годов XIX века, среди работ К.П. Брюллова, Ф.А. Бруни занимали портреты кисти Захарова. Практически все лучшие его произведения из нашего собрания были приобретены П.М. Третьяковым. Каким образом и при каких обстоятельствах полотна его кисти попали в Третьяковскую галерею? Что привлекло внимание строгого коллекционера? Изображения «людей, дорогих нации»? Или все же качество исполнения произведений? В поисках ответа на эти вопросы пришлось поработать в отделе рукописей Третьяковской галереи, в газетном, а также диссертационном фонде Российской государственной библиотеки. На страницах любимого журнала делюсь с читателем результатами поиска.

Ранние годы жизни Петра Захарова окутаны тайной. До сих пор мы не знаем ни настоящего имени этого чеченского мальчика, ни даты его рождения (условно принято считать 1816 год). Известно лишь, что 15 сентября 1819 года в чеченском ауле Дадь-Юрт, занятом русскими войсками, обнаружили «ребенка около убитой матери». В литературе¹ приводятся неподтвержденные документами сведения о воспитании мальчика казаком Захаром (отсюда фамилия будущего художника) Недоносовым из станицы Бороздиновской, о пребывании маленького чеченца в монастыре, а также о крещении его по православному обряду генералом Алексеем Петровичем Ермоловым. Однако в переписке двоюродных братьев Алексея и Петра Ермоловых, в письмах их родственников, а также в записных книжках и дневниковых записях нет ни одного упоминания о «крестнике».

Впервые «о чеченце Петре и лезгине Павле», переданных 25 августа 1825 года на воспитание генерал-майору Петру Николаевичу Ермолову (1787–1844), мы узнаем из свидетельства, которое хранится в фонде Ермоловых (РГАДА)². Незадолго до этого, в январе месяце, тридцативосьмилетний герой Отечественной войны 1812 года женился на

юной Анне Григорьевне Оболенской (1807–1852). Возрастная разница между супругами составляла ровно двадцать лет. В переписке Петра Николаевича с матерью и сестрой за 1825–1826 годы встречаются упоминания «о Петруше и Паше». Близкие интересуются, как идет воспитание «лезгина и чеченца», посылают им «гостинцы». В ответ Ермолов пишет о домашнем обучении воспитанников русскому, латинскому и немецкому языкам. Встречаются и весьма любопытные характеристики мальчиков: «Паша лучше учится, он и всегда был старательнее, а Петруша упрям очень». В мае 1826 года Ермолов пишет в письме о какой-то болезни, которую «захватили лезгин и чеченец». Не исключено, что лезгин в результате ее и скончался, так как никаких сведений о нем больше не встречается. Легенда о погибшем на Кавказе лезгине также не находит документального подтверждения.

С ранних лет Петруша Захаров проявлял незаурядные способности к рисованию. П.Н. Ермолов решил определить его на обучение в Императорскую Академию художеств. Во время коронации Николая I (22 августа 1826 года) в Москве он обратился с этой просьбой к президенту Академии Алексею

Николаевичу Оленину. Дипломатичный Оленин в принципе не возражал, но предложил вначале отдать чеченца профессиональному живописцу. У какого художника брал уроки живописного мастерства Захаров, неизвестно. В литературе бытует мнение, что он обучался у московского художника Л.А. Волкова. В письме, датированном декабрем 1830 года, П.Н. Ермолов писал адъютанту своего брата Н.В. Шимановскому: «Ты знаешь, что он [Захаров] отдан был к живописцу, начал рисовать весьма изрядно и показывает большие способности, но время уходит, ему уже 14-й год, и я боюсь, чтоб он не вырос так, что уже и нельзя будет его отдать в Академию».

Хлопоты по устройству воспитанника затянулись. Однако благодаря содействию Общества поощрения художников наконец появилась возможность определить судьбу юноши. В конце марта 1833 года Петруша Захаров благополучно добрался до Петербурга, остановился на съемной квартире Общества, где и стал обустраиваться. В письмах к «великому моему благодетелю» будущий академик трогательно отчитывается за каждую потраченную копейку: «Куплено с ваших денег кровать, подушка, одеяло и тюфяк, за все

Lyudmila Markina

Pyotr Zakharov-Chechenets in the Tretyakov Gallery: *A Historical Chronicle*

Портрет детей ▶
Ермоловых. 1839
Холст, масло
98,5 × 75,9
ГТГ

Portrait of the ▶
Yermolov Children
1839
Oil on canvas
98.5 × 75.9 cm
Tretyakov Gallery

I came across the idea of this article by sheer chance, when a group of reporters from Grozny “descended” upon the Tretyakov Gallery. Unprepared, I was to give an interview about the art of Pyotr Zakharov-Chechenets. In the introductory room, my attention was caught by an old photograph featuring the interior of the gallery in 1898, which showed that Zakharov-Chechenets’s portraits fitted in perfectly with those hanging beside them, including masterpieces of Russian art of the 1830s-1840s by Karl Briullov and Fyodor Bruni. Almost all of his best works in the collection were purchased by Pavel Tretyakov. What was it that attracted the demanding collector? Images of the people who were “dear to the nation’s heart”? Or the quality of the artist’s craftsmanship? How, and under what circumstances, were his paintings acquired by the Tretyakov Gallery? Looking for answers, I researched at the department of manuscripts of the Tretyakov Gallery, and in the newspaper and dissertation departments of the Russian National Library.

Zakharov-Chechenets’s early years are wrapped in mystery. To this day we know neither the Chechen boy’s real name nor the date of his birth (supposedly, in the year 1816). The only known fact is that on September 15 1819, in the Chechen village of Dady-Yurt occupied by the Russian military, “an infant was found near his killed mother”. Publications about the artist’s mention, without any documentary proof, that the boy was cared for by a Cossack named Zakhar (hence the future artist’s last name) Nedonosov from Borozdionovskaya village, lived in a monastery as a child and was baptized as an Orthodox Christian by General Alexei Yemolov. However, neither the letters written by the Yermolov cousins and their relatives nor their notes and journals contain any mention of a “godson”.

The earliest mention of “a Chechen Pyotr and a Lezgin Pavel” placed into the foster care of Major-General Pyotr Yermolov (1787-1844) on August 25 1825 appears in a document now kept in the Yermolov archive at the Russian Archive of Old Documents [RGADA]². Shortly before then, in January 1825, the 38-year-old hero of the Patriotic War of 1812 married a young lady called Anna Obolonskaya (1807-1852), who was 20 years his junior. Letters exchanged by Pyotr Yermolov’s mother and sister in 1825-1826 mention “Petrusha and Pasha”. The relatives

inquired after the progress in the education of “the Lezgin and the Chechen” and sent small gifts for each of them. In response, Pyotr Yermolov wrote that the boys were privately tutored in Russian, Latin and German. Some of the characterizations of the boys are noteworthy: “Pasha studies better, he has always been the more assiduous of the two, and Petrusha is very obstinate”. A letter from May 1826 mentions an infection which “the Lezgin and the Chechen have contracted”. It is possible that the Lezgin Pasha died from that infection, because this is the last reference to him that can be found. The legend about the Lezgin who died in the Caucasus region does not seem to have documentary proof either.

From an early age Petrusha Zakharov demonstrated an uncommon gift for painting, and Pyotr Yermolov decided to place him at the Imperial Academy of Fine Arts. During Nicholas I’s coronation (on August 22 1826) in Moscow he approached the Academy’s president Alexei Olenin with this request. The tactful Olenin did not object to the idea in principle, but offered to start by placing the Chechen under a professional painter’s tutelage. The name of the artist who gave lessons to Zakharov is unknown, though there are suggestions that he studied under a Moscow artist named Lev Volkov. In a December 1830 letter Pyotr Yermolov wrote to Nikolai Shi-

manovsky: “You know that he [Pyotr Zakharov] was trusted to a painter, began to paint quite handsomely and has shown great talent, but time is running short, he is nearly 14 already and I’m afraid that he may grow too old for enrollment at the Academy”.

It indeed took quite a while to have the foster child enrolled, and this was finally accomplished due to assistance from the Society for Encouragement of Artists. In late March 1833 Petrusha Zakharov arrived safely in St. Petersburg, checked into an apartment rented by the Society and began making himself a home. In his letters to “my great benefactor” the future Academy member touchingly accounted for every kopeck he spent. “I bought with your money a bed, a pillow, a blanket and a mattress, at the overall cost of 15 rubles 80 kopecks. A chest, a paper and pencils have yet to be bought.” Early in April he apprised: “I’ll begin going to classes the week following the first Sunday after Easter. Vasily Ivanovich Grigorovich told me I should live in the same way as others do. Money for meals has been granted. The Society gave me money for meals beginning from April 1, and I paid five rubles for the preceding five days; one ruble for a knife, a fork, a spoon; two rubles for ten sheets of paper for the painting classes; for half a pound of Italian pencils — two rubles 50 kopecks.”

М.И. СКОТТИ
Армянин Нерсесов и
чеченец Захаров. 1836
Холст на картоне,
бумага, итальянский
карандаш, акварель,
гуашь, белла
19,3 × 27,9
ГТГ

Mikhail SCOTTI
*The Armenian
Nersesov and
the Chechen
Zakharov.* 1836
Italian pencil, water-
colour, gouache,
whiting on paper
19.3 × 27.9 cm
Tretyakov Gallery

In St. Petersburg, Petrusha was taken care of and “looked after” by one of the Society’s founders, Alexander Dmitriev-Mamonov. The latter sent detailed “reports” to Yermolov about the deportment and study progress of the Academy’s new pupil. He also provided the “nice boy with new accoutrements”. At the end of 1833 Zakharov gleefully wrote to Moscow about his first accomplishments and commendations from Kikin, the Society’s secretary, and Grigorovich. By way of proof, he sent along several drawings: “A drawing of Laocoon, an image of Achilles’s gypsum head, also gypsum heads of Medici Venus and Apollo” and two portraits. Pyotr Zakharov informed about a forthcoming relocation to a new apartment on Vasilevsky Ostrov “in Mrs. Kostyurina’s house No. 199, 7th Line”.

One of the important elements of the teaching of painting skills at the Academy was copying the old Western European masters at the Hermitage. In February 1834 Zakharov copied Van Dyck’s painting “The Young Prince”. “Ordered: to give 70 rubles to pupil Zakharov for his copy of Van Dyck’s painting and to return the copy to him so that he could present it to his benefactor Yermolov”³. But Pyotr Yermolov did not receive this work. In 1835 the Society’s committee apprised that “pupil Zakharov has produced a copy of Van Dyck’s picture which in all fairness deserves praise. Member of the Committee Count Vielgorsky encouraged the young man to proceed with his work, took the copy and rewarded Zakharov for it.”⁴

At the beginning of 1836 Zakharov was actively preparing for an exhibition at

the Academy. In a letter to Yermolov he wrote that he was setting out “to make a painting from nature on national themes, to display it at the next exhibition this year, in September”. Presumably, the piece in question was “Fisherman” (1836, Art Museum, Voronezh. First version⁵), the artist’s earliest known work, that is marked by some tenseness and a sophomoric treatment of nature. The small space of the canvas is nearly entirely taken up by the bulky figure of a peasant mending a fishing net, with the artist’s focus on the huge hands of his subject. The “Russianness” of the image is simplistically accentuated (a red shirt, an Orthodox Christian cross on the chest, a soft beard and the hair parted in the middle). The composition is completed with a Russian *belle* in the background.

The young artist understood that he had to go to a place with “local colour” to paint the scene, because “the Russian character has all but vanished in St. Petersburg”. Such travel would have required financing, however, which Zakharov never received. Perhaps it was the awareness of his failure that drove the artist to work frenetically on a historical composition. In July he spoke about a finished sketch for his painting “Flavius Belisarius Begging for Alms with a Boy”. The requirement to paint a composition based on the story of the Byzantine army chief Belisarius was a staple in the academic curricula of the time⁶, the task being to depict Justinian I’s associate whose military victories strengthened the Byzantine Empire, but who, having been unjustly disgraced, lost his sight and in the final years of his life had to beg

for alms. The assignment to paint the old man with the boy-guide provided the Academy’s pupils with an opportunity to contrast two ages in a fairly simple two-figure composition.

Analyzing a brief review of the 1836 exhibition written by Nestor Kukolnik in “Khudozhestvennaya Gazeta” (Art Gazette), one can infer that the display was quite comprehensive (580 works in all) and diverse (architectural projects, sculpture, paintings, and drawings). On October 8 the show was visited by Emperor Nicholas I and Empress Alexandra Fyodorovna, who “contemplated all of the artwork with approving attention and graciously”. Zakharov’s pieces were not lost among the host of works produced by architects, sculptors, painters and graphic artists. “We are especially pleased to mention,” wrote the critic, “the small-size works of Zabolotsky, Pechenkin, Zakharov and Plakhov”⁷.

Zakharov’s portraits on view included images of the artists Alexei Tyranov and Yakov Kapkov⁸, but regrettably the present whereabouts of these pieces is unknown. It was no accident that Zakharov undertook to portray his fellow students at the Academy. These portraits were created in the same year as Mikhail Scotti’s graphic series. Pavel Tretyakov bought Scotti’s drawing book from Lyubov Ramazanova, the widow of a sculptor who studied together with Scotti and Zakharov. In March 1891 she wrote to Tretyakov: “Dear Pavel Mikhailovich, your gallery, as I remember, has a room for pencil drawings and the like. My late husband’s drawing

³ Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. Fund 31. Item 2139. Item 1. Sheet 1.

⁴ Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. Fund 31. Item 2280. Sheet 1.

⁵ “Fisherman”. Oil on canvas on cardboard, 50 by 40 cm. On left bottom – signature: P.Z. Zakharov. Collections, owners: Akopov’s collection, State Museum Fund [GMF], Tretyakov Gallery (prior to 1928), Voronezh Museum of Regional History (prior to 1935). In 1935 from Voronezh Museum of Regional History to Voronezh Art Museum.

⁶ The Tretyakov Gallery holds a picture called “Belisarius Sitting by the Road in the Pose of a Beggar, with a Boy by His Side” – a work of Ivan Tupylev (ID 15172), which garnered him the title of Academician in 1785.

⁷ “Khudozhestvennaya Gazeta” (Art Gazette), Nos. 11 and 12, 1836. P. 176.

⁸ “Khudozhestvennaya Gazeta”, No. 4, 1836. First addition of September 28. P. 7.

Рыбак
Около 1836
Холст на картоне,
масло. 50 × 40
Воронежский музей
изобразительных искусств
им. И.Н. Крамского

Fisherman. c. 1836
Oil on canvas mounted
on cardboard
50 × 40 cm
Kramskoi Art Museum,
Voronezh

заплатено 15 руб<лей> 80 копеек. Еще надо будет сундук, бумаги, карандашей». В апреле месяце он сообщал: «С фоминской недели зачну ходить в классы. Василий Иванович Григорович сказал мне, что я должен жить на таком же положении, как и прочие. На пищу выдан от Общества с первого числа апреля, и за прежние 5 дней пищи заплатил пять рублей, за ножик, вилку, ложку – рупь, за бумагу для рисования в классах... два рубля, за карандашей полфунта итальянских 2 рубля 50 копеек».

Опекал Петрушу в Петербурге и «присматривал» за ним Александр Иванович Дмитриев-Мамонов, один из учредителей Общества поощрения художников. Он подробно «отчитывался» перед П.Н. Ермоловым о поведении и успехах в учебе новоиспеченного академика. Он же снабдил «славного мальчика новой амуницией». В конце 1833 года Захаров радостно сообщал в Москву о своих первых успехах и похвалах, услышанных от первого председателя Общества П.А. Кикина и конференц-секретаря Академии художеств В.И. Григоровича. В подтверждение Ермолову были посланы несколько рисунков: «Лаокоон рисованный, с гипсового голова Ахилла, еще с гипсовых фигур Венера Медицейская и Аполлон», а также два портрета. Захаров сообщал о предстоящем переезде в новую квартиру на Васильевском острове «по 7-й линии в доме Г-жи Костюриной № 199».

Одним из важных этапов постижения живописного мастерства в Академии художеств было копирование полотен старых западноевропейских мастеров в Императорском Эрмитаже. В феврале 1834 года Захаров исполнил копию с оригинала А. ван Дейка «Молодой принц». По итогам работы было «положено выдать ученику Захарову за сделанную им копию с Вандика семьдесят рублей, копию же возвратить ему с тем, чтобы он представил ее благодетелю Г<осподину> Ермолову»³. Однако Петр Николаевич эту копийную работу не получил. В 1835 году Комитет Общества сообщал, «что воспитанник Захаров произвел с Вандика копию по всей справедливости заслуживающую похвалу. Г<осподин> член [Общества] граф М<атвей> Ю<рьевич> Виельгорский одобрил юношу к дальнейшим трудам, взял себе копию и вознаградил за нее Захарова»⁴.

В начале 1836 года Петр Захаров активно готовился к академической выставке. В письме к П.Н. Ермолову он сообщал, что собирается «написать картину с натуры из национальных сцен к следующей выставке сего года сентября месяца». Вероятно, речь идет о работе «Рыбак» (1836, Воронежский художественный музей им. И.Н. Крамского⁵). Это – самое раннее произведение художника, известное в настоящее время. Его отличает некоторая скованность и ученический подход к натуре.

Небольшой размер холста почти полностью заполняет грузная фигура мужика, чинящего рыболовную сеть. Художник уделяет значительное внимание огромным рукам простолоудина. Наивно подчеркнута «русскость» образа (красная рубашка, нателный православный крест, мягкая борода и волосы, расчесанные на прямой пробор). Дополняет сценку русская красавица, изображенная на заднем плане.

Молодой художник понимал, что для написания такой сцены, следовало поехать «на местную натуру», ибо «в Петербурге совершенно русской характер изгладился». Однако поездка требовала средств, которые Захаров так и не получил. По-видимому, понимая, что потерпел неудачу, художник лихорадочно работал над историческим сюжетом. В июле он сообщил о готовом эскизе картины «Велизарий с мальчиком, просящий милостыни». Сюжет о византийском полководце Велизарии постоянно входил в написание академических программ⁶. Сподвижник Юстиана I, укрепивший своими победами Византийскую империю, несправедливо подвергся опале, ослеп и в конце жизни был вынужден просить милостыню. Старец и его мальчик-поводырь да-

вали возможность академическим ученикам в достаточно несложной двухфигурной композиции сопоставить два возраста.

Анализируя краткий обзор выставки 1836 года, данный в «Художественной газете» Н.В. Кукольником, можно сделать вывод о ее масштабности (580 произведений) и разнообразии (архитектурные проекты, скульптура, живопись, графика). 8 октября экспозицию посетили император Николай I и императрица Александра Федоровна, которые «обозревали все художественные работы с одобрительным вниманием и снисхождением». Среди многочисленных работ архитекторов, скульпторов, живописцев и графиков произведения кисти Петра Захарова не потерялись. «С особым удовольствием», – писал критик, – «должны мы упомянуть о небольших картинах Заболотского, Печенкина, Захарова и Плахова»⁷.

В ряду портретов, представленных на выставке, кисти Захарова принадлежали изображения художников А.В. Тыранова и Я.Ф. Капкова⁸. К сожалению, местонахождение этих работ в настоящее время неизвестно. Появление изображений товарищей по Академии в творчестве П. Захарова не слу-

Портрет генерала
А.П. Ермолова
Около 1843
Этюд
Холст, масло. 52 × 43
Музей В.А. Тропинина и
художников его времени

Portrait of General
Alexei Yermolov
c. 1843
Study. Oil on canvas
52 × 43 cm
Museum of Vasily Tropinin
and His Contemporaries,
Moscow

book contains several such drawings, quite noteworthy both in workmanship and content. Scotti drew, using a black pencil, portraits of artists who graduated with gold medals from the Imperial Academy of Fine Arts in 1839: Stavasser, Ramazanov, Pimenov, Klimchenko, Kudinov, Delabvez, Courvoise, Vorobiev.⁹ These pencilled portraits of the young graduates are of great historical importance, as the only available evidence showing what many of the Russian artists of the 1830s-1840s looked like. This series includes the only credible image

of Zakharov. The piece featuring “the Armenian Nersesov and the Chechen Zakharov” (1836, Tretyakov Gallery) is made with an Italian pencil and a stump, and Scotti ably rendered the individuality of each. This double portrait is pivoted around contrasts between two different images and personalities. The serious Nersesov whose hazel eyes have absorbed “all the grief of the Armenian people” wears ethnic dress (an Astrakhan cap of a peculiar shape). Lively, smiling, with a foppish little moustache and beaming light eyes, Zakharov is depicted as a St. Petersburger from the city’s artistic circles. He has a cloak flung over his shoulders, a beret jauntily pushed sideways, and a handkerchief carelessly tied round the neck. A heavily starched white collar emphasizes the pallor of his face.

The Society’s report, presented by its secretary Grigorovich in April 1837, states that “Zakharov and Pechenkin, who owe their education and accomplishments to the Society’s care and support — at the Academy’s exhibition, Zakharov displayed his paintings ‘Belisarius’ and ‘Reading the

Cards”¹⁰ and several portraits, and Pechenkin presented three pictures with Russian scenes — were granted the rank of artist of the Imperial Academy of Fine Arts and are now longer in our care. By way of reward for their moral virtue and accomplishments in the domain of the fine arts, the Committee has rewarded each of the two.”¹¹

It appears that the young artist did not quite succeed with the historical composition. In his letter to Yermolov Zakharov honestly recounts the episode: “The painting ‘Belisarius’ did not enjoy a great success, besides the commendation from the Academy’s members. During the graduation ceremony Alexei Olenin heaped much praise on me and thanked me for the accomplishments. The picture was bought at the show by Mr. Ulyanin¹² for 350 rubles.”

The Academy’s Council granted Zakharov, who “lived in his flat”¹³, the rank of liberal artist on August 10 1836. The Council noted therewith that “he produces very pleasant portraits and pieces à-l’aquarelle”¹⁴. In spite of the Council’s decision, the official document — the diploma — was handed to Zakharov only on February 4 1837, and with it the new independent life of a “freelance artist” started for Zakharov. In letters to Yermolov Zakharov wrote that he “was busy making portraits” and giving painting lessons. The circle of clients was limited to Zakharov’s good friends from the Academy and their relatives. While residing in St. Petersburg, the portraitist accomplished portraits of the families of Ladyzhensky, Isleniev, and Samsonov. The pieces are mostly small intimate portraits featuring their models seated in an armchair holding a book or a piece of needlework.

It was not easy to earn one’s living solely from private commissions. The artist was in constant need of money and had to move to new apartments every so often. So, early in 1840, “my address: Vasilievsky Ostrov, 7th Line near Bolshoi Prospekt, Gerasimov’s House, Eichorn’s apartment”. By the end of the year it was already, “Sredny Prospekt, between Cadets’ Line and the Little Neva, in the merchant wife Okulova’s house”. In that year Zakharov made a copy of Nicholas I’s portrait “full-length, the canvas one arshin [two and a third feet] tall, in a generic general’s uniform, for 300 rubles” by Franz Krüger, a favourite Prussian painter of the Russian emperor. At approximately the same period Zakharov painted the portraits of Ye. Voeikova, Borozdina (their location unknown), and the merchant Zhadimirovsky (in the Hermitage, the name of the sitter is unknown — *L. M.*).

The piece “Portrait of an Unknown Lady with Children” (private collection, location unknown¹⁵) is dated to October 1840 — it was sent to the Tretyakov Gallery for expert assessment in 2005. In the 1980s the piece was owned by the Moscow art collector Ya. Shapiro. Tamara Mazaeva in her dissertation included the portrait into

чайно. Они были созданы в том же году, что и графическая серия М.И. Скотти. Альбом Скотти был приобретен П.М. Третьяковым у Любови Максимовны Рамазановой, вдовы скульптора Николая Александровича Рамазанова, сокурсника Скотти и Захарова. В марте 1891 года она обратилась с предложением к собирателю: «Милостивый государь Павел Михайлович, в Вашей галерее, насколько помню, есть комната для карандашных и прочих в этом роде рисунков. В альбоме покойного моего мужа есть несколько таковых, не лишенных интереса, как по исполнению, так и по содержанию. 1. Портреты художников Императорской Академии художеств выпуска 1839 года, получивших золотые медали, рисовал М.И. Скотти черным карандашом: Ставассера, Рамазанова, Пименова, Климченко, Кудинова, Деладвеза, Курвуазье, Воробьева»⁹. Действительно, эти рисованные портреты юных выпускников представляют большой исторический интерес. Только благодаря им мы можем составить представление о том, как выглядели многие мастера русского искусства 1830–1840-х годов. Среди портретов — единственное достоверное изображение Петра Захарова. Лист «армянин Нерсесов и чеченец Захаров» (1836, ГТГ) исполнен в технике итальянского карандаша с «растушкой». Молодой рисовальщик Скотти умело передал индивидуальность каждого. Этот двойной портрет исполнен на контрастном сопоставлении двух непохожих образов и характеров. Серьезный Нерсесов, в карих глазах которого «вся скорбь армянского народа», одет в национальном стиле (на голове каракулевая шапка характерной формы). Живой, с улыбкой на устах, кокетливыми усиками и лучистым взглядом светлых глаз, Захаров изображен как петербуржец из художественной среды. На плечи накинут плащ, лихо заломлен на бок берет, небрежно повязан шейный платок. Туто накрахмаленный белый воротничок подчеркивает бледность лица.

В отчете Общества поощрения художников, прочитанном конференц-секретарем В.И. Григоровичем в апреле 1837 года, говорится: «Захаров и Печенкин, обязанные своим образованием и успехами попечению Общества, из коих первый доставил на академическую выставку картины «Велисарий», «Гадание в карты»¹⁰ и несколько портретов, а последний — три картины, изображающие русские сцены, удостоились звания художников Императорской Академии художеств и выбыли из числа наших воспитанников. Комитет, в уважении их доброй нравственности и оказанных успехов на поприще изящных искусств, наградил их единовременно»¹¹.

Историческая картина, по-видимому, не особо удалась молодому ху-

Портрет
Ф.И. Ладьяженского
1838
Холст, масло
34,7 × 28,8
Национальный
художественный музей
Республики Беларусь

Portrait of Fyodor
Ladyzhensky. 1838
Oil on canvas
34,7 × 28,8 cm
State Art Museum, Belarus

дожнику. В письме к П.Н. Ермолову он честно признавался: «Картина «Велисарий» большого успеха не имела, кроме хорошего мнения от членов Академии. Во время акта Алексей Николаевич Оленин обладал меня к<ак> нельзя более и благодарил за успехи. Картину же купил с выставки господин Ульянин¹² за триста пятьдесят рублей».

Совет Академии возвел Петра Захарова, «живущего на своей квартире»¹³,

в звание свободного художника 10 августа 1836 года. При этом отмечалось, что «он весьма приятно пишет портреты и а l’aquarelle»¹⁴. Несмотря на решение Совета, официальный документ — «аттестат» — был выдан Захарову только 4 февраля 1837 года. Началась новая самостоятельная жизнь «свободного художника». В письмах к П.Н. Ермолову он писал, что «занимается портретами» и дает уроки рисования. Круг его заказчиков ограничивался добрыми знакомыми по Академии, а также их родственниками. Во время петербургского периода жизни портретист исполнил изображения представителей семей Ладьяженских — Исленьевых — Самсоновых. В основном это камерные по форме, небольшого размера холсты, а представленные на них модели сидят в креслах с книгой или рукоделием в руках.

Жить исключительно на частные заказы было непросто. Художник постоянно нуждался, и ему приходилось часто переезжать с квартиры на квар-

⁹ Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. Fund 1. Item 2797. Sheet 1.

¹⁰ November 26 1835 — “Old Woman Reading the Cards”. An extract from the Journal of the Council of the Academy of Arts. Location: Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 789. Catalogue 1. Item 2094. Sheet 4 — Mazaeva.

¹¹ “Khudozhestvennaya Gazeta” (Art Newspaper). Nos. 9 and 10, 1837. P. 143.

¹² Alexander Vasilyevich Ulyanin (1782-1856), a landowner from Nizhny Novgorod, artillery sub-lieutenant. Cavalier of the Order of St. Vladimir, 4th degree. In 1830 Ulyanin met Alexander Pushkin during his stay in Boldino. The Tretyakov Gallery holds the “Portrait of Alexander Ulyanin” by Ivan Kashirin (Reg. Ж-1420) painted in St. Petersburg (as inscribed on the back of the canvas) circa 1836.

¹³ In a letter to Pyotr Yermolov Zakharov wrote: “I rented a small but tidy apartment for 15 rubles per month, and then was faced with the necessity to spend more to buy some household items. My address: Vasilievsky Ostrov, 3rd Line near Sredny Prospekt, Khalunin’s house No. 31.”

¹⁴ Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. Fund 31. Item 2283. Sheet 1.

⁹ ОР ГТГ. Ф. 1. Ед.хр. 2797. Л. 1.

¹⁰ Выписка из Журнала Совета Академии художеств: 1835, 26 ноября — Старуха, гадающая в карты (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ед.хр. 2094. Л. 4).

¹¹ Художественная газета. 1837. № 9–10. С. 143.

¹² Ульянин Александр Васильевич (1782–1856), нижегородский помещик, подпоручик артиллерии, кавалер ордена св. Владимира 4-й степени. В 1830 году встретился с А.С. Пушкиным во время его пребывания в Болдино. В ГТГ имеется «Портрет А.В. Ульянина» кисти И.Д. Каширина (инв. Ж-1420), исполненный в Петербурге (надпись на обороте холста), по-видимому, в 1836 году.

¹³ В письме к П.Н. Ермолову Захаров писал: «Я нанял себе небольшую квартирку, но чистенькую, за 15 рублей в месяц, тут мне предстояли новые издержки, чтоб завести маленькии хозяйство. Адрес моей квартиры: На Васильевском о-строве» по 3-й линии близ Среднего проспекта в доме Халунина № 31».

¹⁴ ОР ГТГ. Ф. 31. Ед.хр. 2283. Л. 1.

Мужской портрет
Бумага, итальянский
карандаш. 24,3 × 18,5
ГТГ

Portrait of a Man
Italian pencil on paper.
24.3 × 18.5 cm
Tretyakov Gallery

Портрет юноши ▶
Бумага, итальянский
карандаш. 24,3 × 18,5
ГТГ

Portrait of a Youth ▶
Italian pencil on paper.
24.3 × 18.5 cm
Tretyakov Gallery

the listing of the artist's authentic pieces and called it an image of A. Yermolova with her children. However, the Yermolovs at that time were in Moscow while the artist remained in St. Petersburg. The correspondence between Zakharov and the Yermolovs makes no reference to the artist working on a portrait of the Yermolov family.

The picture, primarily a genre piece, presents a portrait of a family indoors, and belongs stylistically to the Biedermeier tradition. An amusing detail is conveyed by the scene of play between a boy and a cat — the boy is portrayed holding up a piece of paper on a thread while the cat hides under the mother's armchair. The older girl shyly huddles up to the mother. Zakharov plays up the material side of objects — the texture of wood in the armchair, the soft fluffiness of the velvet upholstery, the shine of the supple silk of the dresses and ribbons, and the translucent delicacy of the lace. The colour scheme is based on contrasts between black-and-grey and red-and-green hues.

The signature on the piece, very unusually for the artist, references his place of birth — “Zakharov Dadayurtsky” (Zakharov of Dada-Yurt). Another such signature is featured on the “Portrait of an Unknown Man Inside a House”¹⁶ (1840, in the Hermitage). Given the similarities of their sizes and the same time of production, one can suppose that Zakharov created twin portraits featuring a man and his wife with children.

In December 1840 Zakharov received a job as a drawer at the Military Ministry. Working there, Zakharov accomplished more than 60 drawings featuring different uniforms and arms used by the Russian army (of which 37 have been located). He was twice granted monetary rewards for great technical proficiency and workmanship (250 rubles on April 5 1841, and 175 rubles on January 10 1842). This “improvement of financial standing” led to better living conditions. In 1841, then living on Vasilievksy Island, the artist moved to the 5th Line — the “House of Fashion” on the corner of the Embankment, across the street from the Academy of Fine Arts. In early 1842, he moved to “Tran shel’s house” on the 11th Line, between Bolshoi and Sredny Prospekts. In February 1842 Zakharov submitted to the Academy’s Council a request for the title of Academician. But a steep deterioration in his health made the artist abandon the “putrid” climate of St. Petersburg. Late in April 1842 Zakharov moved to Moscow, settling in Pyotr Yermolov’s house near Tverskaya Street, at 236 Chernyshevsky Pereulok (now 6 Stankevich Street). In Moscow, he would work prolifically producing paintings and drawings. A year later he received the much coveted title of Academician for the “Portrait of Alexei Yermolov” (1843, Russian Museum).

Arguably, Zakharov’s first piece bought by Pavel Tretyakov was the “Portrait of Doctor Fyodor Inozemtsev” (1844, Tretyakov Gallery). A letter from Natalya Postnikova (1788-1885) dated March 7 1883 survives: “Dear Pavel Mikhailovich, if you haven’t changed your mind about buying Inozemtsev’s portrait from me, well, now is the time for it to become swallowed up as well, after my little Chinese dogs and Saxon shepherdesses. But since this portrait is my last resource... I have to hold on firmly to the price tag that was normal for the artist — namely, 1,000 rubles.”¹⁷ The sender was the wife of a third-guild merchant from Moscow P. Postnikov (1783-1865). The Postnikovs’ hospitable and welcoming home in Kudrino, near the Pokrova Church, was a magnet for many Russian intellectuals, including the historian Pyotr

Kireevsky and writers Nikolai Gogol and Nikolai Yazykov. The Postnikovs had three adult children — son Ivan (1813-1882), who later became a renowned doctor, daughter Alexandra (1818-1846), who became Zakharov’s wife, and younger son Sergei (1838-1880), a future artist¹⁸. By the moment she wrote that letter everyone mentioned was dead and she remained alone. As is clear from the text, in the last years of her life she lived in penury, selling off her plain treasures little by little.

The man featured on the portrait, Doctor Fyodor Inozemtsev (1802(?)–1869), was a truly legendary individual in Moscow. A talented practicing doctor, he balanced his professional obligations with the duties of a statesman and community work (he was a full state councillor and a member of the medical council under the auspices of the Ministry of Home Affairs). At 30, Inozemtsev was granted the title of Doctor of Medicine and Surgery. Two years later, he became a professor of practical surgery at Moscow University (from 1835 to 1859). A wonderful teacher, Inozemtsev established a school of practical medicine, and in 1861 founded a Society of Russian doctors in Moscow. In the old capital city, Inozemtsev had a reputation as a book lover and art aficionado. In the 1840s he attended to Pyotr Yermolov, Zakharov’s foster parent and patron. It is possible that the commissioning of Inozemtsev’s portrait was a token of gratitude to the doctor. Yet, for some reasons the piece remained with the Postnikovs. The erstwhile collection of Felix Vishnevsky included a small oil sketch on cardboard (25 by 20 cm) made in preparation for Inozemtsev’s portrait.

Regrettably, the gallery’s archive has lost all documents indicating the amount paid for Inozemtsev’s portrait. Perhaps Pavel Tretyakov paid the requested amount of 1,000 roubles (quite a big sum then) and was given “as a bonus” an image of Natalya Postnikova herself accomplished by her son-in-law, the artist, in 1845. Whatever the case, both pieces were listed in the gallery’s first catalogue, published in 1893¹⁹. The catalogue also lists another of Zakharov’s graphic works — “Group Portrait” (1844)²⁰. This most interesting piece was gifted by Illarion Pryanishnikov.

Five years after Mrs. Postnikova’s letter Pavel Tretyakov received a new proposal. “I vividly remember how, ten years ago, you wanted to buy Zakharov’s portrait of Granovsky,” Yevgeny Korsh wrote on June 4 1888, “and my late sister²¹, who owned it, set her heart against selling it. Now that after her death I’m the sole owner of the portrait, being also an old man with not much time ahead, I am more than willing to pass it on to your excellent gallery for a price upon which, I believe, we can instantly agree, of course provided that you would first inspect the picture in my home.”²² As Korsh had hoped, the agreement was reached almost immediately, as documented in the receipt, to the amount of 500

тиру. Так, в начале 1840 года он проживал «на Васильевском острове в 7-й линии на Большом проспекте в доме Герасимова, в квартире Эйхорна», а в конце года «по Среднему проспекту, между Кадетской линией и Малой Невой, в доме купчихи Окуловой». В том же году Захаров исполнил копию портрета Николая I «во весь рост, картина в аршин, в общем генеральском мундире, за 300 рублей» с оригинала любимого императором прусского живописца Ф. Крюгера. Одновременно портретист написал с натуры изображения Е.В. Воейковой (местонахождение неизвестно), Бороздиной (имя портретируемой и местонахождение портрета неизвестны) и купца Жадимерового (ГЭ, имя портретируемого и местонахождение портрета неизвестны).

Октябрем 1840 года датируется «Портрет неизвестной дамы с детьми» (частное собрание; местонахождение неизвестно)¹⁵, поступивший на экспертизу в Третьяковскую галерею в 2005 году. В 1980-е годы произведение принадлежало московскому владельцу Я.М. Шапиро. В диссертации Т.А. Мазаевой этот портрет был включен в список подлинных произведений мастера и определен как изображение А.Г. Ермоловой с детьми. Однако в это время Ермоловы находились в Москве, а художник в Петербурге. Никаких упоминаний о работе над изображениями Ермоловых в их переписке не встречается.

Произведение представляет собой семейный портрет в интерьере и по стилистическим признакам может быть отнесено к художественному направлению «бидермейер». Жанровый момент в картине доминирует. Забавно передается игра мальчика, который держит привязанную за нитку бумажку, и кошки, притаившейся под креслом матушки. Старшая девочка робко прижимается к матери. Захаров уделяет большое внимание материальности предметов — текстуре дерева на кресле, мягкой ворсистости бархатной обивки, блеску упругого шелка на платьях и лентах, прозрачной тонкости кружева. Колористическое решение строится на сочетаниях черно-серых и красно-зеленых тонов.

В подписи художника присутствует редкая констатация места его рождения: «Захаров Дадаюртский». Подобное написание встречается в «Портрете неизвестного на фоне интерьера»¹⁶ (1840, ГЭ). Учитывая совпадение размеров и датировку, можно предположить, что Захаров написал

Женский портрет.
Бумага, итальянский
карандаш. 26,6 × 18,6
ГТГ

Portrait of a Woman
Italian pencil on paper.
26.6 × 18.5 cm
Tretyakov Gallery

парные изображения отца и матери с детьми.

В декабре 1840 года художник получил место рисовальщика в Военном министерстве. За это время им было выполнено более 60 рисунков обмундирования и вооружения российской армии, из которых к настоящему времени найдено 37. За высокую технику и мастерство исполнения он дважды поощрялся денежным вознаграждением (5 апреля 1841 года — 250 рублей и 10 января 1842 года — 175 рублей). «Поправка денежных обстоятельств» привела к улучшению его жилищных условий. В 1841 году, проживая по-прежнему на Васильевском острове, художник переехал на 5-ю линию, «что на углу Набережной, против Академии художеств, в «Дом моды», а в начале 1842-го — на 11-ю линию, «что между Большим и Средним проспектом, в «дом Траншеля». В феврале того же года Захаров обратился с прошением в Совет Академии художеств для получения программы на звание академика. Однако резкое ухудшение здоровья заставило его сменить «гнилой» петербургский климат. В конце апреля 1842 год он переехал в Москву и поселился в доме Петра Николаевича Ермолова, поблизости от Тверской, в Чернышевском переулке, № 236 (ныне Вознесенский пер., 6). Начался весьма плодотворный мос-ковский период творчества художника и рисовальщика. Через год он получил долгожданное звание академика за «Портрет А.П. Ермолова» (1843, ГРМ). Однако прогрессирующая чахотка помешала ему до конца реализовать свои творческие планы. В 1846 году Петр Захаров скончался в тридцатилетнем возрасте и был похоронен в Москве (место его погребения пока обнаружить не удалось).

На общем собрании Академии художеств 29 сентября 1846 года В.И. Григорович сообщил о кончине

художника Петра Захарова, «чеченца по происхождению, ...отличившегося и необыкновенно обещавшего в сем роде живописи».

Самым ранним из приобретенных П.М. Третьяковым произведений Петра Захарова следует считать «Портрет доктора Ф.И. Иноземцева» (1844, ГТГ). Сохранилось письмо Н.А. Постниковой к собирателю от 7 марта 1883 года: «Милостивый государь Павел Михайлович, если Вы не отдумали купить у меня портрет Ф.И. Иноземцева, то вот настал черед и ему поступить на съедение после моих китайских бобиков и саксонских пастушек. Но так как этот портрет — мой последний ресурс, ...мне приходится крепко держаться той цены, которая была нормой художника, т.е. 1000 р<ублей>»¹⁷. Корреспондент — Наталья Алексеевна Постникова (1788–1885), жена московского купца 3-й гильдии Петра Ивановича Постникова (1783–1865). Их хлебосольный и теплый дом в Кудрине, в приходе церкви Покрова Пресвятой Богородицы охотно посе-

Групповой портрет. 1844
Бумага, карандаш,
белила. 34 × 44
ГТГ

Group Portrait. 1844
Pencil, whitening on
paper. 34 × 44 cm
Tretyakov Gallery

¹⁵ Портрет неизвестной дамы с детьми. 1840. Холст, масло. 67 x 54,6. Слева внизу на колонне подпись и дата: *Захаровъ-Да-да-юртскій - 18 IV/X 40*.

¹⁶ Портрет неизвестного на фоне интерьера. 1840. Холст, масло. 67 x 54,5. Справа внизу подпись и дата: *Захаровъ Дадаюртскій 1840, ГЭ* (инв. № РЖ-1961). Поступление: В 1946 из Государственного музея этнографии.

¹⁷ ОР ГТГ. Ф. 1. Ед.хр. 739. Л. 1–1 об.

¹⁶ “Portrait of an Unknown Man Inside a House”. 1840. Oil on canvas. 67 x 54.5 cm. On right bottom — signature and date: “Zakharov Dadayurtsky 1840”. Sent to the Gallery in 1946 from the Museum of Ethnography. ID at the Hermitage Museum: PЖ-1961.

¹⁷ Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. Fund 1/2739. Sheet 1 (obverse and reverse).

¹⁸ The painter Alexander Ivanov spent the last period of his life in the house of Sergei Postnikov and his cousin Mikhail Botkin in St. Petersburg. Ivanov’s posthumous image painted by Postnikov is held at the Tretyakov Gallery.

¹⁹ “Catalogue of the Tretyakov Gallery”. 1893. P. 9. Nos. 166 and 168.

²⁰ Ibid., p. 61.

²¹ Maria Fyodorovna Korsh was a close friend of Elizaveta Bogdanovna Granovskaya (1824-1857, nee Mühlhausen), Timofei Nikolayevich Granovsky’s wife (editor’s note).

²² Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. Item 1757. Sheet 1.

Портрет доктора
Ф.И. Иноземцева
1844
Холст, масло
64,9 × 52,2
ГТГ

Portrait of Doctor
Fyodor
Inozemtsev. 1844
Oil on canvas
64.9 × 52.2 cm
Tretyakov Gallery

rubles, made out by the owner and dated the same month of June²³.

The "Portrait of Timofei Granovsky" (1845, Tretyakov Gallery) is one of Zakharov's true masterpieces and one of the gems of Pavel Tretyakov's collection. The artist undoubtedly fell under the spell of the famous historian's personality. The portraitist depicted the model's figure and head in a *contrapposto* mode, conveying the sitter's inner energy: the 32-year-old scholar was in the prime of life and at the peak of his career. Zakharov emphasized the thinker's high forehead, while the white, heavily starched little collar accentuates the aristocratic pallor of his face. Shoulder-length soft hair, a dandyish handkerchief round the neck and, finally, an elegant cane with a snake-shaped handle — all this speaks of Granovsky's artistic nature. This portrait complements Granovsky's characterization by one of his contemporaries: "Colossal erudition, marvellous memory, excellent scholarship and

taste, and finally, the appearance itself, accurately reflecting his best inner qualities — all this taken together made Granovsky one of the most important and influential persons in the university as well as the learned circles of Moscow society"²⁴.

Timofei Nikolaievich Granovsky (1813-1855) was something of a legend. A talented historian and brilliant lecturer, he was also renowned for his community activism²⁵. A graduate of St. Petersburg University (1835), Granovsky had a two-year internship at Berlin University (from 1837 to 1839). Upon his return to Russia, he became a professor of world history at Moscow University, where he taught until his death. His emotional lectures on the history of the Middle Ages²⁶ were very popular. According to contemporaries, he was one of the favourite mentors for students and Moscow youth. "A stranger to one-sidedness and exclusivity, Granovsky was not so much a scholar and teacher as an artist on the pulpit," Konstantin

Kavelin reminisced. "He held sway over his audience and his entourage not on account of the impeccable consistency of academic argument but on account of the secret spontaneous persuasiveness of the most elegant and deeply-felt presentation of the material"²⁷.

Granovsky taught at a time when Russian public life was dominated by the heated debate between the Slavophiles and the Westernizers. Alexander Herzen described the atmosphere in Moscow during those years: "Granovsky and we all were very busy, all of us held jobs and worked, some teaching at universities, others editing and writing for reviews and magazines, and still others studying Russian history. Never again did I meet an assortment of so many talented, mature, versatile and pure people."²⁸

The historian Granovsky's image fitted seamlessly into the gallery of portraits of "people dear to the nation's heart", methodically assembled by Pavel Tretyakov.

Zakharov-Chechenets' artistic legacy — mostly his drawings — caught the attention of another Moscow collector, Ivan Tsvetkov. In 1849 a rag-picker Guberman the younger sold, for just 50 rubles, a composition which was originally called "A Chechen", later — "A Chechen in a Burka [sleeveless felt cloak with square shoulders]"²⁹, and it was even speculated that the piece could be a self-portrait²⁹. Even today one can come across such namings of the piece in popular publications about the artist. What such writers miss, however, is the fact that in 1843 (when the portrait was made) Zakharov was only 27, while the painting features a middle-aged man with a luscious moustache.

Tsvetkov bought a whole folder of drawings made by Zakharov with Italian pencil. The pieces feature bust-size profiles of a sitting woman (ID 6722), an adolescent boy (ID 6723) and a young man (ID 6721). Seven pieces in all, they were painted from live models. On the whole, these pieces bespeak excellent academic drawing skills. The artist is very skilled in anatomy drawing, knows how to place a figure in space, and has a perfect command of the pencil with stump. All this points to the fact

²³ Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. Fund 1. Item 1758. Sheet 1.

²⁴ Kavelin, Konstantin. "The Tenor of Our Minds". P. 257.

²⁵ Levandovsky, Andrei. "Timofei Granovsky in Russian Social Movements". Moscow: 1989.

²⁶ Lectures of Timofei Granovsky on the History of the Middle Ages (From Granovsky's Lecture Notes and Notes Taken by the Students). Moscow: 1961.
"Lectures of Timofei Granovsky on the History of the Late Middle Ages". Moscow: 1971.
Granovsky, Timofei. "Lectures on the History of the Middle Ages". Moscow: 1987.

²⁷ Kavelin, Konstantin. "The Tenor of Our Minds. Essays on Philosophy of Russian History and Culture". Moscow: 1989. P. 256.

²⁸ Herzen, Alexander. "My Past and Thoughts". Part IV. Chapter XXIX. In: Herzen, Alexander. "Collected Works". Vol. 5. Moscow: 1956. P. 110.

²⁹ A Listing of Paintings and Drawings in Ivan Tsvetkov's Collection". Moscow: 1904. P. 16 ("A Chechen").
A Listing of Works of Art at Tsvetkov's Gallery". Moscow: 1915. P. 31 ("A Chechen in a Burka with a Gun, Self-Portrait").

шали многие представители русской интеллигенции, в том числе историк П.В. Киреевский, писатель Н.В. Гоголь и поэт Н.М. Языков. Этот дом стал родным и для художника. У Постниковых было трое взрослых детей: сын Иван (1813–1882), ставший впоследствии известным врачом, дочь Александра (1818–1846) — супруга Петра Захарова, и младший сын Сергей (1838–1880), будущий художник¹⁸. К моменту написания письма все они скончались, и Наталья Алексеевна осталась одна. Как следует из содержания письма, в последние годы она нуждалась в средствах и потихоньку распродала свои нехитрые сокровища.

Изображенный на портрете доктор Федор Иванович Иноземцев (1802–1869) был поистине легендарной фигурой в Москве. Талантливый врач-практик, он умело совмещал свои профессиональные обязанности с государственной и общественной деятельностью (имел чин действительного статского советника, был членом Медицинского совета при Министерстве внутренних дел). В тридцать лет Ф.И. Иноземцев был удостоен звания доктора медицины и хирургии, а через четыре года стал профессором кафедры практической хирургии в Московском университете (1836–1859). Замечательный педагог, Иноземцев создал свою научную школу медиков-практиков. В 1861 году он стал учредителем Общества русских врачей в Москве. В первопрестольной Федор Иванович слыл страстным библиофилом и любителем искусств. В 1840-е годы он «пользовался» П.Н. Ермолова, воспитателя и покровителя художника Захарова. Не исключено, что в знак благодарности и был заказан портрет доктора. Однако по каким-то причинам этот портрет остался в семействе Постниковых. В бывшем собрании Ф.Е. Вишневецкого хранился небольшой этюд к портрету Иноземцева, исполненный маслом на картоне (25 × 20).

К сожалению, в отделе рукописей Третьяковской галереи не сохранилось свидетельства о стоимости портрета. Возможно, П.М. Третьяков заплатил указанную в письме сумму в тысячу рублей, (довольно большую по тем временам) и «в придачу» получил изображение самой Н.А. Постниковой, выполненное ее зятем-художником в 1845 году. Во всяком случае, оба произведения были включены в первую опись собрания, опубликованную в 1893 году¹⁹. Там же указана еще одна графическая работа Петра Захарова — «Групповой портрет» (1844)²⁰. Этот чрезвычайно интересный лист был подарен собирателю художником И.М. Прянишниковым.

Через пять лет после первого приобретения П.М. Третьяков получил

Портрет
Н.А. Постниковой
1845
Холст, масло
65,3 × 50,7
ГТГ

Portrait of Natalya
Postnikova. 1845
Oil on canvas
65.3 × 50.7 cm
Tretyakov Gallery

новое предложение. «Живо помню, как десять лет назад Вы желали купить написанный Захаровым портрет Грановского, — писал 4 июня 1888 года литератор и переводчик Евгений Федорович Корш, — а покойная сестра²¹ моя, которой он принадлежал, ни за что не хотела с ним расстаться. Став, по кончине ея, единственным владельцем портрета и также уж

недолговечным стариком, я теперь охотно передал бы его в прекрасную галерею Вашу за цену, в которой мы, вероятно, тотчас бы сошлись, разумеется, по предварительном осмотре Вами картины по адресу²². Как и предполагал Корш, договориться удалось почти сразу, так как сохранилась расписка бывшего владельца в получении пятиста рублей, датированная тем же июнем месяцем²³.

«Портрет Т.Н. Грановского» (1845, ГТГ) принадлежит к подлинным шедеврам кисти Петра Захарова и является одной из истинных жемчужин коллекции П.М. Третьякова. Художник, безусловно, находился под обаянием личности известного историка. Портретист выбрал «контрапостный» поворот фигуры и головы, передающий внутреннюю энергию образа. Тридцатидвухлетний ученый

¹⁸ В доме С.П. Постникова и двоюродного его брата М.П. Боткина нашел свое последнее пристанище в Петербурге живописец А.А. Иванов. Его посмертный портрет кисти С.П. Постникова хранится в Третьяковской галерее.

¹⁹ Опись художественных произведений городской галереи Павла и Сергея Третьяковых. М., 1893. С. 9. № 166 и 168.

²⁰ Там же. С. 61.

²¹ Мария Федоровна Корш была близкой подругой жены Т.Н. Грановского, Елизаветы Богдановны Грановской (1824–1857; урожденной Мюльгаузен — ред.).

²² ОР ГТГ. Ф. 1. Ед.хр. 1757. Л. 1.

²³ Там же. Ед.хр. 1758. Л. 1.

Портрет
неизвестной дамы
с детьми. 1840
Холст, масло
67 × 54,6
Частное собрание

Portrait of an Unknown
Woman with Children
1840
Oil on canvas
67 × 54.6 cm
Private collection

Портрет
неизвестной дамы
с детьми. 1840
Портрет матери
Деталь

Portrait of an Unknown
Woman with Children
1840
Portrait of the Mother
Detail

²⁴ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 257.

²⁵ См.: Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989.

²⁶ См.: Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья (авторский конспект и записи слушателей). М., 1961; Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья. М., 1971; Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987.

²⁷ Кавелин К.Д. Указ соч. С. 256.

²⁸ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1964. Т. 5. М., 1956. С. 110.

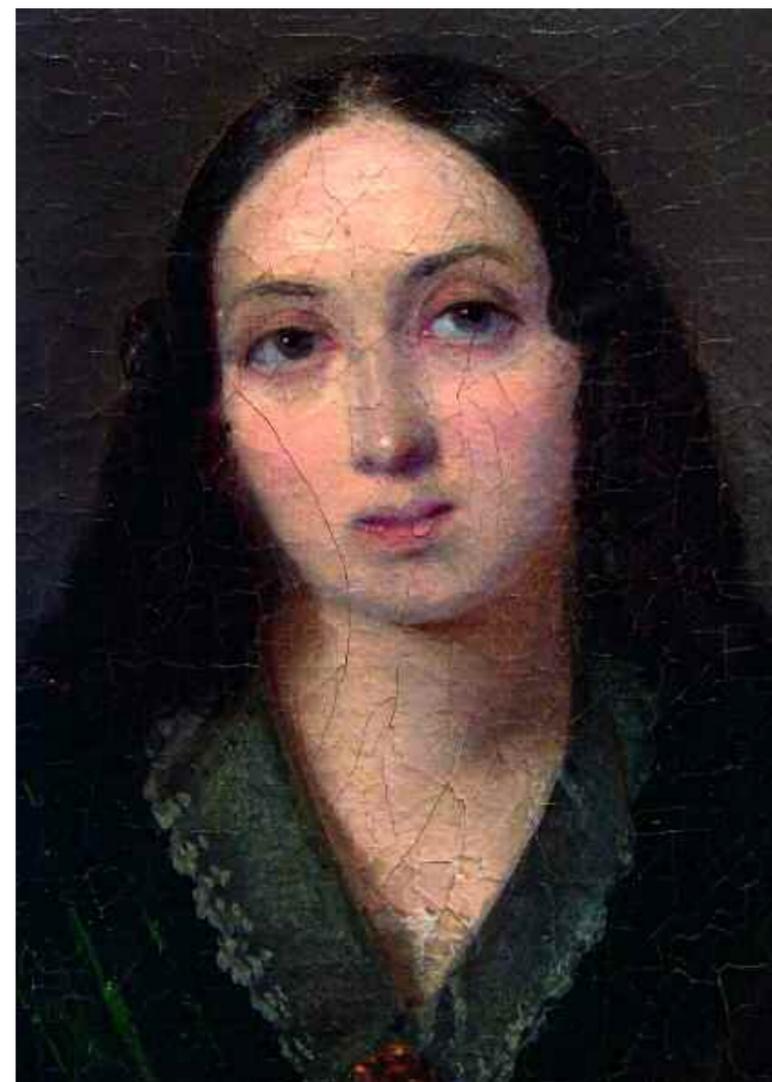
²⁹ Перечень картин и рисунков собрания И.Е. Цветкова. М., 1904. С. 16 (Чеченец); Перечень художественных произведений Цветковской галереи. М., 1915. С. 31 (Чеченец в бурке с ружьем; автопортрет).

представлен в расцвете сил и творческой деятельности. Захаров выделяет высокий лоб мыслителя. Белый, туго накрахмаленный воротничок подчеркивает аристократическую бледность его лица. Мягкие волосы, ниспадающие на плечи, шеголеватый шейный платок и, наконец, изящная трость с рукоятью-змейкой — все это свидетельствует о художественной натуре Грановского. Портрет дополняет характеристику, данную ему современником: «Огромная начитанность, изумительная память, тонкая образованность и вкус, наконец, самая наружность, верно передававшая его лучшие внутренние качества, все это вместе делало Грановского одним из самых значительных и влиятельных лиц и в университете, и в образованном московском обществе»²⁴.

Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855) — личность во многом легендарная. Талантливый историк и яркий лектор, он также получил известность как видный общественный деятель²⁵. Выпускник Санкт-Петербургского университета (1835), Грановский два года стажировался в Берлинском университете (1837–1839). По возвращении на родину возглавил кафедру всеобщей истории в Московском университете, где преподавал до конца своих дней в звании профессора. Его эмоциональные лекции по истории средневековья²⁶ были чрезвычайно популярны. По свидетельству современников, он был одним из самых любимых наставников студентов и московской молодежи. «Чуждый односторонности и исключительности, Грановский был не столько ученым и педагогом, сколько художником на кафедре, — вспоминал Кавелин. — Действие его на слушателей и окружающих объясняется не строгой последовательностью ученой аргументации, а тайной непосредственной убедительностью самого изящного, глубокого-прочувственного изложения»²⁷.

Преподавательская деятельность Т.Н. Грановского совпала с разгоревшейся в обществе дискуссией между славянофилами и западниками о путях развития России, которая определила характер общественной жизни на многие десятилетия. Атмосферу тех лет в Москве описал в «Былом и думах» А.И. Герцен: «Грановский и все мы были сильно заняты, все работали и трудились, кто — занимая кафедры в университете, кто — участвуя в обзорных и журналах, кто — изучая русскую историю. Такого круга людей талантливых, развитых, многосторонних и чистых я не встречал потом нигде»²⁸.

Изображение историка Т.Н. Грановского органично дополнило портретную галерею «людей, дорогих нации», планомерно собираемую П.М. Третьяковым.

Наряду с П.М. Третьяковым, художественное, в основном графическое наследие Петра Захарова привлекло внимание еще одного московского собирателя — Ивана Евменьевича Цветкова. Имевшийся в его собрании холст, получивший первоначально название «Чеченец», уточненное позднее как «Чеченец в бурке» и даже автопортрет²⁹, по легенде, был куплен прежним владельцем в 1849 году у старьевщика Губермана-младшего всего за 50 рублей. Последнее определение этой работы как автопортрета встречалось и до сих пор встречается в популярных публикациях о художнике. Однако не учитывается то обстоятельство, что в 1843 году (дата исполнения картины) Петру Захарову было около двадцати семи лет, а на полотне представлен мужчина зрелых лет с пышными усами.

Цветков приобрел целую папку с рисунками, исполненными художником в технике итальянского карандаша. Это — погрудные изображения сидящей женщины в профиль (инв. 6722), юноши (инв. 6723), молодого

человека (инв.6721), насчитывающие семь произведений. Они созданы непосредственно с натуры. В целом эти листы наглядно демонстрируют прекрасную школу академического мастерства по части рисунка. Художник прекрасно знает пластическую анатомию, умеет разместить фигуру в пространстве, виртуозно владеет техникой карандаша «с растушевкой». Все это свидетельствует о том, что эти не датированные листы выполнены в зрелый период его творчества, во время пребывания художника в Москве. После смерти коллекционера И.Е. Цветкова его собрание по завещанию было передано в 1925 году в Третьяковскую галерею.

Следующим важным для галереи приобретением был «Портрет детей Ермоловых» (1839). Со дня написания это произведение хранилось в семье Ермоловых, но в 1928 году наследница славных предков, москвичка М.Н. Ермолова решила расстаться с их изображением. Портрет детей Петра Николаевича Ермолова решен как жанровая сценка. Под сенью векового

Портрет
неизвестной дамы
с детьми. 1840
Портрет сына
Деталь

Portrait of an Unknown
Woman with Children.
1840
Portrait of the Son
Detail

that these undated works were created during Zakharov's mature period, when he lived in Moscow.

After the collector Tsvetkov's death his collection, according to his will, was sent to the Tretyakov Gallery in 1925.

Among the pictures acquired by the gallery after the Bolshevik revolution, the "Fisherman", sent by the State Museum Fund (the former Akopov collection), is worth mention.

Later the gallery acquired such important pieces by Zakharov as the "Portrait of the Yermolov Children" (1839). Since its creation the work was kept in the Yermolov family, until in 1928 Maria Yermolova, heir to the distinguished dynasty, decided to sell it. It is a genre piece: the older children of the artist's "kind benefactor" — Nikolai (1827–1879) and Yekaterina (1829–1910) — are depicted performing daily routines in the shadow of a centuries-old oak tree. The boy is sorting berries, the girl holds a bowl of jam in her hands. The middle son, Alexei (1830–1869), is plying the bellows to keep the fire aglow. To the left are the younger children, no more than a year apart in age — Varvara (1832–1906), Nina (1833–1890) and Grigory (1834–

after 1896)³⁰. There is a doll thrown on the floor. One of the girls is already treating herself to the jam. Undoubtedly, the artist had many opportunities to watch such scenes, knowing the children well. Their manners and poses are natural, they do not "pretend" but "live". This is a world of family bliss and brotherly mutual understanding which the artist understood well — he was a part of it. That was why Zakharov depicted this household scene with so much love and immediacy. It was not by chance that the artist often mentioned the children in his letters to Pyotr Yermolov. For instance, in January 1842 he wrote: "I pray to God for a longer life for you and all of your family — Katerina Petrovna, Nikolai Petrovich, Alexei Petrovich, Varvara Petrovna, Nina Petrovna, Grigory Petrovich!" And in the same year in July: "I wish to all your family good health and accomplishments in learning; I have been pleased to hear that Nikolai Petrovich, Katerina Petrovna and Alexei Petrovich are making progress in painting — they promised to send me their works at times."³¹

Looking at these happy faces, not yet burdened by concerns and staring innocently at the viewer, one is tempted to ask:

what would become of these children in the future? Nikolai Petrovich Yermolov graduated from Moscow University and worked at the Moscow archive of the Ministry of Foreign Affairs. In 1860 he participated in an election of deputies from the nobility in Zhizdrinsky Province of Kaluzhskaya Gubernia, and later was elected as the chairman of the congress of justices of the peace. He worked hard to publish Alexei Yermolov's notes. He died at 52 and was buried in the Pokrovsky Monastery in Moscow. His sister Yekaterina Petrovna, two years younger than him, lived a long life and died already in the 20th century. Yekaterina Yermolova was a lady-in-waiting in the court and a community activist and a philanthropist. She is buried in the Pokrovsky Monastery in Moscow. Not much is known about the life of Alexei Petrovich Yermolov; he retired from service with the rank of staff captain and died at the age of 39, and is buried in the family vault at the Pokrovsky Monastery. Varvara Petrovna married a man called Dmitry Fyodorovich Samarin, and is buried in the Danilovsky Monastery in Moscow. Nina Petrovna married Mikhail Kuzmich Polozov, a house tutor at the court. Grigory Petrovich served in the military, retiring in July 1896³² with the rank of lieutenant-general.

In the following year, 1929, the drawing "Portrait of an Adolescent Boy with a Book" (ID 11576) came to the gallery from Ilya Ostroukhov's museum.

Nearly ten years later, in 1938, a purchasing committee in Leningrad sent to the Tretyakov Gallery the "Portrait of an Unknown Man" (1840). Nikolai Shabanyants believes that the sitter was Lev Volkov (1790–1852), Zakharov's first teacher who tutored him in 1831–1832, before his enrolment at the Academy. However, this attribution appears doubtful. Its St. Petersburg provenance and the dating of the picture indicate that it was created when the artist lived in St. Petersburg, whereas the artist Volkov lived and worked in Moscow. That was Zakharov's last piece to be acquired by the Gallery. Thus, the treasury of Russian art became the repository of the largest collection of Zakharov's artwork (the Russian Museum holds two pieces and the Hermitage, five), which reflect different aspects of his talent and include seven paintings and nine drawings.

In 1962–1963, when the project to open an art museum in the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic was underway, the government decided to send to the institution several of Zakharov-Chechenets's works: "A Chechen in a Burka", "Portrait of an Unknown Man" and three drawings originally from Tsvetkov's gallery (the sketch of the female figure, the male portrait, and the unfinished portrait of a young man). All these pictures were lost in unexplained circumstances during the military operations in Chechnya in the early 1990s.

дуба за нехитрым занятием представлены старшие дети «доброего благодетеля» художника — Николай (1827–1879) и Екатерина (1829–1910). Мальчик перебирает ягоды, а девочка держит в руках таз с вареньем. Средний сын, Алексей (1830–1869), раздувает меха для поддержания равномерного огня. Слева — младшие дети, погодки Варвара (1832–1906), Нина (1833–1890) и Григорий (1834 — после 1896)³⁰. Брошена на землю кукла. Одна из девочек уже лакомится вареньем. Безусловно, художник мог наблюдать подобные сцены, он был хорошо знаком с детьми. Их поведение и позы естественны, они не позируют, а живут. Этот мир семейного счастья и братского взаимопонимания был понятен художнику. Он сам был частью этого мира. Поэтому с такой любовью и так непосредственно изобразил Захаров это домашнее времяпрепровождение. Неслучайно художник постоянно упоминает детей в своих письмах к П.Н. Ермолову. Так, в январе 1842 года он писал: «Молю Бога о продлении дней Ваших и всего семейства Вашего, Катерине Петровне, Николаю Петровичу, Алексею Петровичу, Варваре Петровне, Нине Петровне, Григорию Петровичу!». В июле того же года: «Всеми Вашему семейству доброму здоровью и хороших успехов в науках, приятно было знать успехи в рисовании Николая Петровича, Катерины Петровны и Алексея Петровича, оне обещались иногда присылать свои труды»³¹.

Глядя на эти счастливые, еще не обремененные заботами лица, просто-душно взирающие на зрителя, невольно задаешься вопросом. Как же сложились судьбы этих детей? Николай Петрович Ермолов окончил Московский университет, служил в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. В 1860 году участвовал в выборах депутатов от дворянства по Жиздринскому уезду Калужской губернии, затем избирался председателем съезда мировых судей. Он многое сделал для издания записок своего дяди, А.П. Ермолова. Скончался Николай Петрович в пятидесятидвухлетнем возрасте и был погребен в Покровском монастыре в Москве. Его младшая на два года сестра Екатерина Петровна прожила долгую жизнь, умерла уже в XX веке. Екатерина Ермолова была камер-фрейлиной при Дворе. Занималась общественной и благотворительной деятельностью. Погребена в Покровском монастыре в Москве. О жизни Алексея Петровича Ермолова известно немного. В чине штабс-капитана он вышел в отставку и умер в тридцатидевятилетнем возрасте. Погребен также в фамильном склепе в Покровском монастыре. Варвара Петровна была замужем за Дмитрием Федоровичем Самариным. По-

Портрет
неизвестной дамы
с детьми. 1840
Портрет дочери
Деталь

Portrait of an Unknown
Woman with Children.
1840
Portrait
of the Daughter
Detail

гребена в Даниловском монастыре в Москве. Нина Петровна вышла замуж за гофмейстера Императорского Двора Михаила Кузьмича Полозова. Григорий Петрович служил на военном поприще. В чине генерал-лейтенанта вышел в отставку в июле 1896 года³².

Почти через десять лет после приобретения указанного портрета, в 1938 году, из Ленинградской закупочной комиссии в Третьяковскую галерею поступил «Портрет неизвестного» (1840). По определению Н.Ш. Шабаньянца, портретист запечатлел Льва

Александровича Волкова (1790–1852), первого учителя Захарова. Однако эта атрибуция вызывает сомнения. Петербургское происхождение полотна и датировка свидетельствуют, что оно было исполнено в период пребывания живописца в северной столице, тогда как художник Волков безвыездно жил и работал в Москве. Это было последнее поступление работ Захарова в галерею. Таким образом, в сокровищнице русского искусства сложилась самая большая коллекция из семи живописных полотен и девяти графических работ (в ГРМ — два произведения, в ГЭ — пять), отражавших различные грани таланта этого мастера.

В 1962–1963 годах по решению советского правительства ряд произведений Петра Захарова («Чеченец в бурке», «Портрет неизвестного» и три рисунка) были переданы в открывшийся Музей изобразительных искусств Чечено-Ингушской АССР. На данный момент все они считаются пропавшими во время военных действий в Чечне в начале 1990-х годов. Но хочется верить, что работы кисти Петра Захарова не канули в лету, и мы еще станем свидетелями их долгожданного обретения.

Оригинальная подпись художника:
Захаров-Дадаюртский

The artist's signature: Zakharov-Dadayurtky

³⁰ В семье П.Н. Ермолова было восемь детей. Старшая Александра (1825–1830) и самая младшая, также названная Александрой (1837–1838), умерли до написания портрета. Сведения о детях Ермоловых любезно сообщены Г.Р. Якушкиным.

³¹ РГАДА. Ф. 1406. Ермоловы. Оп. 1. Д. 627. Л. 12–13.

³² В письме Е.П. Ермоловой к историку С.А. Белокурову от 6 апреля 1907 года среди «лучших произведений» П. Захарова упоминается «портрет брата Гриши» (ОР РГБ. Ф. 23. Оп. 1. Ед.хр. 20. Л. 22).